

Вечность

Автор:

Джуд Деверо

Вечность

Джуд Деверо

Монтгомери #11

Преуспевающий фермер Джош Грин не искал в «невесте по переписке» ни красоты, ни очарования – ему нужна была всего лишь работающая помощница и верная подруга, способная заменить мать двоим его осиротевшим детям. А дерзкая, смешливая Кэрри Монтгомери, вторгшаяся в его жизнь и сразу покорившая сердца детей, на его взгляд, слишком легкомысленна и юна... И ужасно раздражает.

Однако чем дальше, тем сильнее действует на Джоша поистине магическое очарование Кэрри. И однажды он понимает, что влюбился – безоглядно и навсегда!

Джуд Деверо

Вечность

Печатается с разрешения издательства Pocket Books, a Division of Simon & Schuster Inc. и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Deveraux, Inc, 1992

© Перевод. Т. А. Перцева, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Глава 1

Уорбрук, штат Мэн

1865 год

Проходя из одного конца дома в другой, Джейми Монтгомери даже не смотрел по сторонам. Он вырос здесь и хорошо знал каждый уголок. Кто-нибудь другой, оказавшись в уютном тепле этого дома, вряд ли смог бы предположить, насколько богаты его хозяева. Только знаток живописи оценил бы подписи под картинами, висевшими на оштукатуренных и побеленных стенах, или имена, высеченные на бронзовых статуях, и только истинный ценитель понял бы стоимость грязных, истертых детскими ножками и собачьими лапами ковров.

Мебель отличалась основательностью и прочностью и уже очень давно служила семье, владевшей этим домом вот уже почти двести лет. Правда, антиквар, увидев старый шкаф, стоявший у стены, сразу определил бы, что он относится к эпохе королевы Анны, позолоченные стульчики изготовлены в стиле русского ампира, в угловом шкафчике поблескивает китайский фарфор, слишком древний на взгляд юных, неискушенных американцев.

Дом был полон картин, мебели и тканей со всего света, собранных за много лет путешествий поколениями мужчин и женщин Монтгомери. Здесь скопились сувениры из каждого уголка земли, от экзотических вещичек с крошечных островов по всему миру до картин итальянских мастеров.

Широко и быстро шагая, Джейми переходил из одной комнаты гигантского дома в другую. Дважды он проверял, надежно ли запрятан под мышкой небольшой фланелевый мешочек, и при этом загадочно улыбался.

Наконец он добрался до нужной двери и, едва слышно постучав, с расчетом, что его не услышат, вошел в полутемную комнату.

Даже в темноте можно было разглядеть поблескивание шелкового прикроватного полога, драпирующего огромную постель с четырьмя столбиками, над которой трудились венецианские мастера: недаром на столбиках красовались резные позолоченные ангелочки. С верха балдахина свисали сотни ярдов светло-голубого шелка, а стены были обиты голубым дамастом чуть более темного оттенка, сотканным в Италии и привезенным в Америку на одном из судов Монтгомери.

Глядя на постель, Джейми снова улыбнулся при виде белокурой головки, едва выглядывавшей из-под шелкового пухового одеяла. Он решительно подошел к окнам и раздвинул тяжелые бархатные шторы. Солнечный свет хлынул в комнату. Белокурая головка совсем скрылась под одеялом.

Улыбаясь, он подошел к кровати и снова посмотрел на спящую. Но на этот раз увидел только выбившийся наружу золотистый локон.

Джейми вытащил мешочек, развязал шнурок и достал крохотную собачонку, которая умещалась у него на ладони. Мордочку животного почти скрывала длинная шелковистая белая шерсть. Эту мальтийскую болонку он привез из самого Китая в подарок младшей сестре.

Осторожно приподняв одеяло, Джейми подсунул болонку поближе к сестре, после чего затаил дыхание, уселся и стал наблюдать, как немного освоившаяся собачка принялась ворочаться и лизать новую хозяйку.

Кэрри медленно и очень неохотно приоткрыла глаза. Она, как и всегда, не желала покидать теплый кокон своей постели и, насколько могла, оттягивала эту неприятную процедуру. Слегка пошевелившись, она снова сомкнула веки и натянула одеяло на плечи, однако улыбнулась, когда малюсенький язычок лизнул ее в щеку. Услышав задорный лай, она словно очнулась и уставилась на веселое создание, потом резко села и испуганно схватилась за горло. Откинувшись на изголовье и не обращая внимания на то, что кончик крыла вырезанного ангела упирается ей в спину, она восторженно уставилась на собаку.

Только смех брата заставил Кэрри повернуть голову. Но и тогда она не сразу поняла, что происходит.

Сообразив наконец, что любимый брат вернулся из очередного плавания, Кэрри восторженно взвизгнула и бросилась к нему, волоча за собой шелковое одеяло.

Джейми поймал ее загорелыми руками и стал кружить. Болонка, все еще сидевшая на постели, испуганно залаяла.

– Но тебя ждали не раньше следующей недели! – воскликнула Кэрри, улыбаясь и целуя его щеки, шею и все, до чего могла дотянуться.

Джейми, пытавшийся делать вид, будто остался равнодушен к энтузиазму сестры, приподнял ее на вытянутых руках.

– И ты, вне всякого сомнения, приехала бы на пристань встречать меня? Даже если бы судно пришвартовалось в четыре утра?

– Конечно, приехала бы! – с улыбкой заверила Кэрри, но тут же озабоченно нахмурилась и погладила брата по щеке: – Ты похудел.

– А ты не выросла ни на дюйм, – заявил Джейми, делая строгое лицо, по его мнению, подобающее старшему брату. Но это давалось ему не так-то легко, особенно при виде изысканной красоты младшей сестры. Ее единственную из семьи можно было назвать миниатюрной. Всего пять футов, хотя братья выросли настоящими великанами: каждый свыше шести футов ростом. – Я надеялся, что ты наконец окажешься чуть выше моего пояса. Как это мать с отцом произвели на свет такую карлицу?!

– Чистое везение, – счастливо пояснила она, оборачиваясь, чтобы взглянуть на крошечную собачку, стоявшую на постели. Болонка высунула розовый язычок, удивительно напоминая плюшевую игрушку.

– Это и есть мой подарок?

– Почему ты вдруг вообразила, будто я привез тебе подарок? – укоризненно осведомился Джейми. – Лично я не уверен, что ты такового заслуживаешь.

Знаешь, что сейчас уже десять утра? А ты и не думаешь вставать!

Кэрри передернула плечами, пытаясь освободиться. Теперь, убедившись, что брат не только дома, но цел и невредим, она мечтала поскорее взять болонку на руки. Увернувшись от Джейми, она бросилась к кровати и стала гладить новую любимицу. Джейми тем временем оглядывал комнату, отмечая появление новых безделушек.

– Откуда это? – поинтересовался он, поднимая статуэтку восточной красавицы, искусно вырезанную из слоновой кости.

– Рэнли, – коротко ответила Кэрри, имея в виду одного из братьев.

– А это? – кивнул Джейми на картину маслом в позолоченной раме.

– Локлан.

Подняв глаза, Кэрри улыбнулась брату, словно не понимала, почему тот хмурится. У нее было семеро старших братьев, все заядлые путешественники, и, возвращаясь домой, они привозили ей подарки, каждый изящнее и прекраснее предыдущего.

– А это от кого? – допытывался Джейми, поднимая жемчужную нить с туалетного столика. На этот раз каждое слово он цедил сквозь зубы.

Кэрри, загадочно улыбаясь, подхватила песика и зарылась лицом в мягкий мех.

– Это лучший подарок, который я получила за всю свою жизнь.

– А ты сказала об этом Рэнли, когда он дарил тебе статуэтку? – ревниво осведомился Джейми.

По правде говоря, она заверила Рэнли, что это его подарок был самым лучшим, но нельзя же признаться в этом Джейми!

– Как ее зовут? – спросила она, продолжая гладить болонку и делая все, чтобы сменить тему.

– Решать тебе.

Кэрри нежно потерела уши болонки, и та неожиданно чихнула.

– О, Джейми, теперь я вижу, что это самый чудесный подарок! Он такой живой!

Джейми сел. Судя по лицу, он несколько смягчился после ее заверений, что его подарок действительно самый лучший.

Улыбаясь, он залюбовался игрой солнечного света в густой массе светлых волос и довольным блеском голубых глаз. Какая же она хорошенькая! Миниатюрная, милая, нежная, добрая и жизнерадостная. Словом, полная противоположность своим высоким, раздражительным, вспыльчивым братьям. Но она так же привыкла к роскоши, как они – к тяжелому труду. Кэрри была избалованным, обожаемым, драгоценным ребенком в своей большой семье. Любой из братьев убил бы всякого, кому пришла бы в голову мысль причинить ей зло.

Джейми развалился на стуле, радуясь, что наконец-то очутился дома, что под ногами твердый пол, а не качающаяся палуба.

– Что вы с безобразной ордой тут устраивали, пока меня не было?

– Не называй их так, – упрекнула Кэрри, правда, без особого запала. – Они вовсе не безобразны.

На это Джейми язвительно фыркнул. Кэрри улыбнулась.

– Во всяком случае, не слишком. И потом, какое значение имеет внешность?

– Подумать только, девятнадцать лет, и уже философ, – усмехнувшись, покачал головой Джейми.

– Мне скоро двадцать.

– Да... можно сказать, старость пришла.

Кэрри не обратила внимания на укол. В ее глазах братья были безупречны и не могли ни сказать, ни сделать ничего дурного.

– Какой бы ни была наша внешность, – наставительно заявила она, самым благородным образом объединяя себя с «безобразными», – все же мы с девочками заняты очень важным делом.

– О, я в этом уверен, – снисходительно бросил Джейми, хотя во взгляде на сестру светилось обожание. – Спасаете лягушек от аистов? Или требуете от бедного мистера Коффина дать гусям свободу?

– Все это в прошлом. Теперь мы устраиваем... – Она осеклась, когда болонка дважды чихнула. – Как по-твоему, он не простудился?

– Скорее всего нанюхался твоего пыльного шелка. Это место похоже на гарем.

– Что это такое?

– То, о чем ты никогда не узнаешь, по крайней мере от меня.

Кэрри обиженно выпятила нижнюю губу.

– Если когда-нибудь захочешь сделать мне действительно грандиозный подарок, подробно расскажешь обо всем, что произошло во время очередного путешествия.

При мысли о том, к чему могут привести подобные откровения, Джейми слегка побледнел, и прошло не менее нескольких минут, прежде чем к нему вернулся обычный цвет лица.

– Очень сомневаюсь, что ты получишь подобный подарок от кого-то из нас. А теперь расскажи, что задумали твои уродины.

– Мы устраиваем браки! – гордо объявила Кэрри и просияла, увидев, как братец изумленно раскрыл рот.

– Ты уговорила кого-то жениться на своих богопротивных подружках?

Кэрри раздраженно повела плечиком.

– Они совсем не уродливы, и ты это знаешь. И каждая из них по-своему хороша. Просто ты считаешь, что все девушки должны быть ослепительными красавицами.

– Как моя дорогая маленькая сестричка, – искренне выпалил он. В этот момент его глаза светились любовью.

– Так ты, пожалуй, вскружишь мне голову, – пробормотала Кэрри, краснея от удовольствия.

Столь неправдоподобное заявление вызвало взрыв смеха Джейми. Болонка залилась истерическим лаем, но тут же расчихалась.

– Вскружить голову? Словно сама не знаешь, что ты самая прелестная девушка в пяти штатах.

Кэрри приняла притворно оскорбленный вид.

– А вот Рэнли считает, что в шести.

– Тогда я скажу «семь», – снова рассмеялся Джейми.

– Уже гораздо лучше, – одобрила Кэрри, – не желаю терять ни одного штата. Седьмой, случайно, не Род-Айленд?

Сгорая от любопытства, она даже подалась вперед. Маленький песик уютно устроился у нее на коленях. Джейми подумал, что они уже успели подружиться. Он знал это, когда покупал щенка, легко умещавшегося у него на ладони.

– Джейми, мы действительно устраиваем браки, – серьезно начала Кэрри. – После Гражданской войны так много женщин осталось вдовами, а на Западе и сейчас полно холостяков, которые нуждаются в женах. Мы сводим их друг с другом. Очень интересная работа.

Недоуменно моргая, пытаюсь вникнуть в смысл ее слов, Джейми тяжело вздохнул. Иногда ему казалось, что из всей семьи именно Кэрри, нежная, неотразимая Кэрри, самая упрямая. Ставя перед собой какую-то цель, она шла к ней, не глядя по сторонам и никого вокруг не замечая: ничто на свете не могло ей помешать. Слава богу, что до сих пор все ее цели были достойными и благородными.

– Но каким образом ты находишь всех этих людей?

– Женщин мы знаем. Их немало и здесь, в Уорбруке. Мы разгласили по всему Мэну, что оказываем подобную услугу. А мужчин находим по газетным объявлениям.

– Жены – почтой? – тихо спросил он, повышая голос с каждым новым словом. – По предварительному заказу?! Как в Китае? Ты суешь нос в личную жизнь других людей?!

– Я не считаю, что это стремление сунуть нос в чужую жизнь! Говорю же, мы оказываем услуги.

– Услуги? Обычное сватовство! А отец знает об этом?

– Разумеется.

– И не возражает? – Прежде чем Кэрри успела ответить, Джейми горько усмехнулся: – Еще бы ему возражать! С самого твоего рождения он позволял тебе делать все, что в голову взбредет!

Глядя крошечную собачку, Кэрри очаровательно улыбнулась брату и для пущего эффекта похлопала ресницами.

– Надеюсь, ты не собираешься меня ругать? Вот Рэнли слова не сказал.

– Он безбожно тебя балует, – сурово ответил Джейми, но Кэрри по-прежнему улыбалась ему, и уголки его губ невольно приподнялись, уничтожая весь эффект, который ему так хотелось произвести. – Так и быть, – пробормотал он, зная, что проиграл, – расскажи мне о том, как сватаешь людей, не влезая при этом в их дела.

Лицо Кэрри осветилось радостью.

– О, Джейми, все так чудесно! Мы так счастливы, потому что нужны людям! Посылаем объявления в западные газеты, где говорится, что мы не отправляем женщин, пока не увидим лицо возможного жениха; поэтому мужчины должны прислать свои снимки. Видишь ли, фотография так много может сказать о человеке! Да, и еще мы просим, чтобы они в письме изложили свои требования к будущей жене. И только после этого мы пытаемся найти мужчине невесту.

– А что необходимо от женщины?

– Они приходят к нам, рассказывают о себе. Мы заводим карточки, в которых перечисляем все их достоинства. А потом ищем подходящую пару. – Кэрри мечтательно улыбнулась. – Мы дарим людям счастье.

– Но как эти женщины добираются до мужчин?

– Как правило, дилижансами, – пояснила она, любуясь собачкой. Не дождавшись от Джейми ответа, она вызывающе вскинула подбородок. – Ладно, ты прав. Их поездки оплачены деньгами Монтгомери. Но я иду на все ради доброго дела. Эти люди одиноки и очень нуждаются друг в друге. Джейми, прочитай бы ты хоть несколько писем от этих мужчин! Они живут в ужасной, забытой богом глуши, местах, о которых никто не слыхивал. Им так нужно чье-то общество!

– Не говоря о сильной спине и лишней паре рук, которые так пригодятся на ферме, и теплом теле в супружеской кровати, – добавил он, пытаясь внести нотки реализма в ее мечты о вечной любви.

– Но и у женщин есть свои потребности, – отрезала Кэрри.

– Интересно, откуда тебе знать о подобных вещах?

Он опять немилосердно ее дразнил, и Кэрри, естественно, разозлилась. Вообще-то она любила, когда братья ее баловали. Но иногда они бывали несносны!

– Представь себе, я многое знаю. Гораздо больше, чем кажется тебе и остальным, – парировала она. – Может, ты не успел заметить, но я уже выросла.

Детство осталось позади!

Сидя на постели, в гнездышке из шелков и полотна, и прижимая к себе почти игрушечную собачонку, Кэрри с ее с густыми, распущенными по плечам волосами казалась десятилетней девочкой.

– Ты права, – притворно вздохнул он. – Дряхлая, сморщенная старуха.

Кэрри вздохнула. При всей своей любви к братьям она успела прекрасно их изучить. Ни один из них не хотел, чтобы она становилась взрослой. Мечтали, чтобы она так и осталась их обожаемой младшей сестренкой, которой в голову не придет смотреть на других мужчин.

– Надеюсь, для себя ты не ищешь мужа? – внезапно встревожился Джейми.

– Нет, конечно, нет.

Не дай бог сказать кому-то из родных, что она когда-нибудь соберется выйти замуж! Все они искренне считают, что она только что вышла из пеленок!

– Все мои мужчины рядом. И других мне не нужно, – заявила она.

Джейми зловеще прищурился:

– И что это должно означать? Какие еще мужчины? И с каких пор мужчины стали частью твоей жизни?

«С самого моего рождения», – хотелось выпалить Кэрри. С тех пор, как ей исполнилось пятнадцать минут. Когда она, лежа в колыбели, открыла глазки и увидела семерых самых красивых на свете мальчиков, пристально ее разглядывавших. Подумать только, они даже оттеснили мать и повитуху! С тех пор, как она сделала первые шаги, держась за руку мужчины. С тех пор, как мужчины учили ее скакать верхом, плавать, ходить под парусом, завязывать узлы, ругаться, лазать по деревьям и флиртовать, чтобы получить желаемое.

– Почему бы тебе не поехать со мной? Увидишь собственными глазами, чем мы занимаемся, – предложила Кэрри, наградив брата самым обольстительным

взглядом сквозь полуопущенные ресницы, взглядом, который, как она надеялась, был достаточно убедительным.

Но Джейми побелел как полотно.

– Добровольно очутиться в этом скопище уродливых баб?!

Кэрри прикусила губу, чтобы сдержать улыбку. Она знала, что на самом деле Джейми страшно пугался, когда ее подруги, завидев его, из кожи вон лезли, чтобы обратить на себя внимание. Впрочем, то же самое относилось ко всем неженатым братьям Кэрри. Той очень хотелось поговорить с подругами насчет такого поведения, но ее так забавлял смущенный вид братьев, что она просто не могла устоять против подобного искушения.

– А вот Рэнли ездил со мной, – обиделась Кэрри, опустив глаза и чуть выпячивая нижнюю губу. – Правда, Рэнли ничего не боится. Может, боишься именно ты, потому что Рэнли красивее тебя да и самоуверенности у него побольше. Наверное, Рэнли...

– Ладно, сдаюсь, – буркнул Джейми, в знак поражения воздевая руки к небу. – Я поеду, но только если поклянешься не пытаться сосватать мне одну из твоих никчемных девиц.

– Мне бы это и в голову не пришло! – возмутилась она. – Кроме того, кому ты понадобишься, после того как они видели Рэнли?!

– Почти половине Китая, – коварно ухмыльнулся Джейми, наклоняясь, чтобы пощекотать ее под подбородком. Песик снова чихнул. – Кстати, как ты его назовешь?

– Чу-Чу, – весело откликнулась Кэрри.

Джейми застонал, услышав столь несерьезную кличку. Так он и знал! Но чего ждать от младшей сестрицы?!

– Может, дашь ему более достойное имя?

– Расскажи о китайских женщинах, и я назову его Герцогом, – стала торговаться Кэрри.

Джеймс вытянул из кармана часы и, взглянув на циферблат, объявил:

– Я даю тебе ровно час, чтобы одеться, и если не заставишь меня ждать дольше, за каждые десять минут этого часа я рассказываю тебе историю о Китае.

– О пейзажах? – с подозрением спросила Кэрри. – О дорогах и штормах на море?

– Об императорских танцовщицах, – пообещал Джеймс и, понизив голос, добавил: – И... они танцевали не только для императора. Но и для меня одного. При закрытых дверях.

Подушки разлетелись в разные стороны. Кэрри моментально вскочила на ноги.

– Полчаса. Я могу одеться за полчаса. Сколько это составит историй?

– Три.

– Надеюсь, истории будут настолько занимательными, что мои страдания окупятся, – предупредила она. – Но если ты меня обманешь и я засну от скуки, придется, пока ты дома, каждый вечер приглашать Юфонию к ужину.

– Боже. До чего же ты жестока! Бесчеловечна! – Снова взглянув на карманные часы, Джеймс объявил: – Время пошло!

Подхватив Чу-Чу, Кэрри вылетела из спальни и метнулась к гардеробной.

– Тридцать минут! – раздраженно воскликнул Джеймс. – Ты сказала, что будешь готова через полчаса. Не через полтора!

Кэрри, ничуть не встревоженная его тоном, широко зевнула. Джеймс из тех, кто громко лает, но никогда не кусается!

– Я не выпалась. А теперь рассказывай вторую историю. Ты должен мне еще две.

Щелкнув поводьями лошади, впряженной в маленький экипаж, Джейми со вздохом уставился на сестру. Он часто жаловался братьям, что они непозволительно балуют Кэрри. Если не отступить от собственных принципов, сейчас следовало быть твердым и отказаться ей. Но, взглянув в огромные голубые глаза, полные любви и обожания, Джейми тихо выругался. Ни один член семьи не мог бы ни в чем ей отказать.

– Может, еще одну, – нерешительно протянул он, – но ты и ее не заслужила.

Кэрри, улыбаясь, стиснула его руку.

– Знаешь, с возрастом ты становишься все красивее! Думаю, через год-другой внешностью ты можешь превзойти Рэнли!

Джейми безуспешно попытался скрыть улыбку, но тут же сдался и буквально просиял.

– Хитрюга! – воскликнул он, подмигнув. – Так тебе нравится песик?

Кэрри от полноты чувств стиснула Чу-Чу.

– Клянусь, это самый лучший подарок на свете! – объявила она, на этот раз вполне искренне. – А теперь расскажи еще что-нибудь о танцовщицах.

Когда Кэрри, сунув под мышку болонку, под руку с братом вошла в гостиную старого дома, присутствующие оцепенели. Все шесть молодых женщин, друживших с Кэрри всю ее жизнь, одновременно уставились на вошедших. Сначала никто не двигался, потом глаза их широко раскрылись, и, наконец, комнату огласили вздохи. Несмотря на все шуточные уверения Кэрри в том, что Рэнли намного превосходит брата красотой, одного появления Джейми было достаточно, чтобы женщины, потеряв голову, принялись творить одну глупость за другой.

Гордо улыбаясь и оглядывая замерших как статуи женщин, Кэрри слегка нагнулась и задула спичку, которую Юфония зажгла, за секунду до того, как она обожгла ей пальцы.

– Надеюсь, все знакомы с моим братом Джейми! – объявила она, словно не замечая реакции подруг. Джейми со своей стороны, хоть и изображал смущение, был явно польщен вниманием девушек. Ее не провести: слишком хорошо Кэрри знала брата.

Тогда Кэрри властно схватила его за руку и потянула вперед. Женщины принялись кашлять, неумело пытаясь скрыть неловкость.

– Как прошло путешествие, капитан Монтгомери? – Хелен старалась говорить как обычно, но из горла вырвался жалкий писк.

– Прекрасно, – отрезал Джейми, от души жалея, что согласился сопровождать сестру. Кэрри потащила его к дальней стене комнаты, где на доске было прикреплено двадцать пять мужских снимков. Мужчины разнились возрастом – от мальчика, которому просто не могло быть более четырнадцати, до старого джентльмена с седой бородой во всю грудь.

– Вот наши женихи, – уточнила она без особой необходимости.

Нервно оттянув воротничок, Джейми невидяще уставился на доску. Глаза женщин так и буравили его спину, и казалось, шею обжигает горячее дыхание.

– Почта была? Новые письма есть? – спросила Кэрри, отворачиваясь от доски так поспешно, что увидела, как Хелен сделала нечто весьма странное, а именно – сунула что-то под лежавшую на столе книжку. Кэрри сделала вид, будто ничего не заметила.

– Есть несколько, – ответила одна из женщин. – Но ничего особенного. У нас вдвое больше мужчин, чем женщин. Не хотите поместить на доску свою фотографию, капитан?

Она очень старалась говорить небрежным тоном, но в голосе звучали отчетливые нотки отчаяния и надежды.

Джейми ответил вымученной улыбкой.

– Кэрри, дорогая, думаю, мне пора. Нужно срочно...

К сожалению, тут сообразительность изменила Джейми, поскольку ему больше всего хотелось как можно скорее убраться отсюда. Под жадными взорами этих особ он чувствовал себя как обезьяна в зоопарке.

Наскоро чмокнув сестру в щеку, Джейми с многозначительным взглядом, в котором так и светилось обещание сквитаться за все, быстро исчез.

Несколько мгновений в комнате царило молчание. Наконец, издав еще один дружный вздох, женщины вернулись к стопкам писем и фотографий. Кэрри немного постояла, прежде чем поставить Чу-Чу на пол и слегка подтолкнуть.

– Лови! – крикнула она Хелен. – Он сейчас сбежит.

Хелен принялась гоняться за песиком, оставив свой ответственный пост у стола. Чу-Чу решил не сдаваться, и вскоре за ним уже гонялась вся комната... кроме Кэрри, конечно. Воспользовавшись всеобщей суматохой, она подняла книгу, под которой лежал таинственный предмет. И обнаружила знакомый конверт, обычно содержащий снимок и письмо от человека, которому требовалась невеста.

Пока остальные продолжали ловить болонку, Кэрри открыла конверт, вытащила фото и стала разглядывать изображение молодого человека, стоявшего за спинами дурно одетых детей. Именно их Кэрри первым делом стала изучать. Высокий мальчик лет девяти-десяти и девочка четырех-пяти. Одежда чистая, но сидит плохо, словно пожертвована местным благотворительным обществом, не слишком заботившимся о том, чтобы вещи были по размеру.

Но не это было главным. В глазах детей сыла такая печаль, которая может быть вызвана только одиночеством. Очевидно, в их жизни было очень мало смеха.

Кэрри перевела взгляд на лицо мужчины и ахнула. Красивее этого незнакомца нет никого в мире! О, может, он не так хорош, как ее братья, но и вид у него был совсем другой. Ни один Монтгомери не выглядел так меланхолично.

В этот момент кто-то выхватил у Кэрри снимок. Та подняла глаза. Перед ней стояла Хелен.

– С твоей стороны не слишком красиво лазить по чужим столам! Это мое!

Кэрри, не отвечая, рухнула на ближайший стул. У нее словно ноги подкосились.

Подбежавший Чу-Чу немедленно вскочил ей на колени. Девушка машинально прижала к себе теплое тельце.

– Кто он? – прошептала она.

– К твоему сведению, это человек, женой которого я собираюсь стать, – гордо объявила Хелен. – Я уже все решила, и никто не сможет меня переубедить.

– Кто он? – повторила Кэрри.

На помощь ей пришла Юфония, в свою очередь, выхватившая фото у Хелен. Перевернув его, она громко сообщила:

– Здесь написано, что его зовут Джошуа Грин. Это его дети, Тем и Даллас. Что за странное имя для девочки? Или это ее зовут Тем? А может, он неправильно написал, и нужно не «Тем» а «Тим»?

Женщины стали передавать снимок из рук в руки. Несмотря на бедную одежду детей, семейство выглядело на редкость симпатичным. А мужчина был просто неотразим. Его смуглая красота, должно быть, привлекала женщин, как мед – пчел. Впрочем, они видели мужчин и поинтереснее. Никто не понимал, почему Хелен взбрело в голову спрятать его фото и почему у Кэрри такой вид, словно она встретилась с привидением.

– Тот мужчина, который прислал письмо на прошлой неделе, больше мне понравился. Как там его... Логан... только вот имя это или фамилия? И у него нет двоих детей. Если я решу выйти за человека, с которым вообще не знакома, выберу такого, у которого нет детей, чтобы родить ему своих.

Остальные дружно закивали.

Хелен отобрала снимок и раздраженно передернула плечами:

– Мне все равно, что бы вы там ни думали! Я собираюсь выйти за него, и на этом все. Мне он нравится!

Юфония, все это время читавшая письмо Джошуа Грина, язвительно усмехнулась:

– Да он и не захочет тебя, потому что ему нужна женщина, привыкшая работать на ферме и вести хозяйство. Он не возражает, если она будет старше – ему самому всего двадцать восемь, – и не прочь жениться на вдове. Даже согласен взять женщину с детьми. Но главное – чтобы она разбиралась в сельском хозяйстве. А ты? Посмотри на себя! Наверняка воображаешь, что доить корову – значит дергать ее за хвост, пока в ведро не польется молоко.

Хелен вцепилась в письмо, пытаясь отобрать его у Юфонии.

– Плевать мне на то, что он желает. Я знаю, что он получит, и все тут!

В этот момент снимок выскользнул из ее рук и спланировал на пол. Кэрри подняла его. И встретила взглядом с глазами человека, взывавшего к ней. Это были глаза, в которых плескались обида, желание и невысказанная просьба. Глаза человека, умолявшего о помощи. Ее помощи. Он нуждается в ее помощи!

Кэрри встала, сунула Чу-Чу под мышку, одернула голубую шелковую юбку и взяла письмо с фотографией.

– Ты не выйдешь за него, – тихо сказала она, – потому что его женой стану я.

Ее слова были встречены долгим потрясенным молчанием, сменившимся дружным хохотом.

– Ты? Да что ты знаешь о фермерском труде?

Но Кэрри даже не улыбнулась.

– Я ничего не знаю о фермах, зато прекрасно разбираюсь в мужчинах. Он нуждается во мне. Сейчас, – твердо сказала она. – А теперь прошу меня извинить. Мне нужно сделать кое-какие приготовления.

Глава 2

До этой минуты Кэрри ни разу не приходилось ничего скрывать ни от семьи, ни от друзей. А вот сейчас приходилось действовать втайне от всех.

Легче всего оказалось заставить молчать подруг. С самого детства, когда они образовали кружок семерых, Кэрри была главной в их компании, а остальным оставалось только следовать за ней во всех затеваемых предприятиях. Иногда они возмущались или пугались, когда очередная затея Кэрри грозила навлечь на них беду, но всегда подчинялись ее желаниям. Старший брат Кэрри утверждал, что именно поэтому она и дружит с ними. Потому что могла заставить их делать все, что пожелает.

И вот теперь появилось то, чего Кэрри хотела больше всего на свете. Хотела так, как никогда в жизни.

С того дня, когда приехал Джейми, когда Кэрри увидела снимок Грина, она превратилась в одержимую. Оказалось, что совсем несложно одолеть Хелен и «отнять» у нее Джошуа Грина. Конечно, ей было совестно так обижать подругу, но Хелен пришлось понять, что Джош – как Кэрри уже его называла – принадлежит ей, и только ей.

В тот день, покинув старый дом Джонсона с фотографией и письмом в одной руке и собачкой в другой, она направилась в лодочный док Монтгомери, который теперь почти не использовался по прямому назначению. Ей хотелось посидеть, подумать и хорошенько рассмотреть Джоша и его детей.

Все-таки некие остатки здравого смысла у нее еще имелись: недаром она упорно твердила себе, что делает глупость и что этот человек ничем не отличается от многих других, приславших им свои фотографии. Почему же, разглядывая их, она абсолютно ничего не чувствовала? Совсем ничего. Ей в голову не приходило

оставить дом и семью, отправиться на Запад и выйти замуж за одного из тех, кто был изображен на снимках. Но этот человек другой. И семья его другая. Это семья Кэрри. Семья, которая в ней нуждается.

Она пробыла в доке до вечера. Забиралась в каноэ и сидела на пыльном коврикe, временами бродила или просто смотрела на фото. Прикрепив его к стене, она не сводила глаз с лица Джоша и пыталась понять, что так нравится ей в этом человеке и его детях. Она всеми силами старалась сохранить ясность мышления, но ответов так и не нашла.

Дважды она убеждала себя, что следует забыть о Грине, что выражение его глаз, возможно, просто игра света. Может, есть и еще одна причина его грусти: а вдруг тем утром погибла любимая собачка детей, и поэтому все кажутся такими одинокими и потерянными.

Часов около четырех, когда Чу-Чу стал маяться от безделья, а Кэрри ощутила зверский голод, в док вошел старик, работавший на свечном складе.

– Прошу прощения, мисс... о, это вы, мисс Кэрри!

Девушка приветливо кивнула и знаком подозвала старика.

– Взгляните на этот снимок, – попросила она, ткнув пальцем в стену. – Что вы на нем видите?

Старик прищурился, внимательно изучая снимок. Тогда Кэрри сняла фото со стены, чтобы он смог поднести его к окну и рассмотреть при свете. Судя по всему, он вполне серьезно отнесся к ее просьбе.

– Красивая семья.

– Что-то еще? – настаивала она.

Старик задумчиво почесал в затылке.

– Да вроде нет. Видно, что небогаты. Должно быть, для них настали трудные времена.

Кэрри нахмурилась.

– Они не кажутся вам... печальными?

– Печальными? – удивился он. – Но все улыбаются!

Настала очередь Кэрри удивляться. Взяв у старика фото, она повертела его в руках. Странно... можно было подумать, что после многочасового бдения в доке она не увидит ничего интересного. Но теперь неожиданно узрела снимок в новом свете. Все трое действительно улыбались. Но почему же она посчитала их грустными? Брат обнимал сестричку, а отец положил руки на плечи детей. Разве эти трое могут быть одинокими, если они есть друг у друга?

– Значит, не печальны и не одиноки? – уточнила Кэрри.

– Ну... на мой взгляд, особо счастливыми они не кажутся, но что я могу знать? – Старик улыбнулся. – Если вы, мисс Кэрри, считаете, что они выглядят грустными, полагаю, такое вполне может быть.

Кэрри улыбнулась в ответ. Старик почтительно коснулся козырька кепки и отошел.

Значит, не печальны и не одиноки. Остальные люди видят дружную, улыбающуюся семью. Почему же одна только Кэрри вообразила, что эти люди несчастны? И почему ее так тянет к ним? Почему кажется, что они взывают о помощи?

Она постояла еще немного, прежде чем взять Чу-Чу и направиться домой. Вечером устраивался ужин в честь возвращения Джейми, на котором будут все Монтгомери и Таггерты. А это означало, что в доме так много народа, что никто не заметит необычайно притихшей Кэрри.

Следующие три дня Кэрри была все так же молчалива. Правда, жила как обычно, каждый день ходила в дом Джонсона, изучала снимки, присланные мужчинами, разговаривала с женщинами, которые хотели выйти замуж, и пыталась сделать вид, будто интересуется чем-то, помимо семьи Грин.

Но в свободное время смотрела на снимок и читала письмо Джоша, пока бумага не протерлась. Знала каждое предложение наизусть и могла отличить почерк Джоша от сотни других.

Вечером третьего дня она поняла, что нужно делать. Именно то, что задумала ранее: выйти замуж за Джошуа Грина. Тот считал, что ему нужна жена, умеющая доить коров и косить сено, но Кэрри была твердо убеждена, что он нуждается именно в ней.

Когда Кэрри объявила подругам о своих планах, они возмутились. Даже Хелен, все еще пылавшая гневом из-за стычки с Кэрри, была расстроена.

– Ты просто спятила! – заявила Юфония. – Могла бы получить любого мужчину, какого только захочешь! С твоей внешностью и деньгами...

Женщины хором ахнули: в их кружке строго запрещалось упоминать о деньгах Кэрри.

– Кто-то должен высказать ей правду в глаза! – фыркнула Юфония. – А этот человек желает иметь жену-фермершу. Кэрри, ты даже шить не умеешь, не говоря уже о посадке кукурузы! И не знаешь, что «кукурузный шелк»[1 - Имеются в виду кукурузные рыльца, длинные шелковистые волоски в початке. – Здесь и далее примеч. пер.] вовсе не настоящий шелк, верно?

Кэрри разумеется, представления не имела, о чем толкует Юфония, но какое это имеет значение?

– Я учитывала возможность того, что, если придется написать мистеру Грину, он вряд ли посчитает меня подходящей женой. И поскольку он, очевидно, уверен, что нуждается не в жене, а в работнице, я и решила выйти за него, прежде чем отправлюсь в городок Этернити[2 - Вечность (англ.)], штат Колорадо, где и обитает вышеупомянутый мистер Грин.

Это заявление вызвало новый взрыв уговоров и увещаний, но с таким же успехом можно было обращаться к стене. Подруги объясняли, что ей придется сказать мистеру Грину неправду, что одно из их незыблемых правил – никогда не лгать мужчинам, которым и без того приходится жениться по доверенности. Они никогда не присылают мужчине, желающему получить сговорчивую жену с

милым характером, настоящую фурию и злобную ведьму, предварительно убедив беднягу, что именно она и есть его идеал. Мистеру Грину требуется работающая жена, и ему следовало бы получить именно такую.

– Он не разочаруется во мне, – твердила Кэрри с уверенной улыбкой.

Женщины как по команде уставились на Кэрри. Она была такой хорошенькой, что мужчины шли на все ради ее взгляда и улыбки, а любая женщина с радостью продала бы свою душу, чтобы хоть немного походить на эту девушку. Но мужчины... мужчины любили Кэрри. Обожали. Может, она, живя с братьями и отцом, сумела проникнуть в суть мужской природы? Но какова бы ни была причина, факт оставался фактом: Кэрри могла заполучить любого мужчину. Ей оставалось только выбирать.

После двух дней яростных попыток урезонить Кэрри женщины сдались. У них уже языки болели от разговоров, а Кэрри не уступала ни на дюйм. И твердила, что если они действительно настоящие подруги, то помогут ей придумать, как выйти замуж за мистера Грина таким образом, чтобы он не смог аннулировать брак, узнав, что она абсолютно невежественна во всем, что касается жизни на ферме.

– Он может... э-э... немного... расстроиться, когда поймет, что мне пришлось преувеличить мои скромные возможности. Может, даже поддастся соблазну потребовать, чтобы я вернулась домой. Трудно сказать, что взбредет в голову этим мужчинам. Когда они считают себя обманутыми, сразу приходят в бешенство и лишаются остатков здравого смысла. Но я хочу доказать, что смогу стать ему идеальной женой. И сделаю все, чтобы он дал мне такой шанс.

У женщин имелось свое мнение насчет того, как поступит мистер Грин, обнаружив, что Кэрри лгала, лукавила, интриговала и строила тайные планы только для того, чтобы заманить его в сети нежеланного брака. Но Кэрри так упорно стояла на своем, что постепенно они поддавались на уговоры. И даже согласились помочь ей одурачить Джошуа Грина. Что ни говори, а каждая в душе была романтиком. Первым делом они попытались что-то выяснить о работе на ферме. Дело в том, что все женщины выросли у моря и были достаточно состоятельны, чтобы иметь слуг. Еду приносили с кухни, и никто не задавался вопросом, как она в эту кухню попадает. Правда, Сара утверждала, что какой-то человек подъезжает к черному ходу на тележке и выгружает съестные припасы.

Итак, задавшись новой целью, женщины принялись изучать принципы управления фермой с таким усердием, словно выполняли школьное задание. Но уже через несколько дней они поняли, что сам предмет ужасно скучен, и поэтому попросили женщину, явившуюся к ним в поисках мужа, составить образец письма. Потом уж Кэрри переписала его своим почерком. И отослала с курьером, разумеется, на деньги отца, попросив отвезти послание из Мэна в крохотный городок Этернити, штат Колорадо.

При этом Кэрри с подругами умудрились сочинить весьма затейливую историю для ничего не подозревающего мистера Грина. Историю о том, что женщина, идеально ему подходившая, должна выйти замуж по доверенности, прежде чем ехать в Этернити. Если мистер Грин согласится на эти условия, ему остается только подписать приложенные к письму бумаги, и брак будет заключен в Уорбруке. В этом случае Кэрри приедет на встречу с мистером Грином уже в качестве его супруги.

– Твой отец никогда не подпишет бумаги, – твердила Юфония.

Кэрри отчетливо понимала, что подруга права. Отец ни за что не позволит младшей и любимой дочери выйти за совершенно незнакомого человека. Человека, с которым никогда не встречались ни он, ни она. Отец просто высмеет ее, узнав, что она влюбилась в мужчину с двумя детьми, запечатленными на снимке, присланном из какого-то забытого богом городишка.

– Я найду способ, – заявила Кэрри с уверенностью, которой на самом деле вовсе не чувствовала.

Отослав письмо Джошу, она приготовилась к долгому ожиданию, которое могло растянуться на несколько месяцев. Даже отправленное с курьером письмо должно было проделать долгий путь. Но перед этим Кэрри скопировала письмо и каждый день перечитывала, нещадно критикуя каждое предложение. Может, ей вообще не стоило писать это, может, эту фразу следовало бы вычеркнуть, а может, вот эту вообще не стоило включать.

Но, несмотря на все сомнения, девушка ни разу не поколебалась в правоте задуманного. Ее убеждение было настолько твердым, что каждый вечер она посылая воздушные поцелуи будущей семье. Каждый вечер думала о детях и Джоше. Покупала ткани на платья малышке, которая станет ее дочерью.

Приобрела игрушечный кораблик мальчику и, кроме всего этого, еще множество вещей: книги, свистки, коробки с леденцами для детей и восемь рубашек для Джоша.

Наконец, после полугода невыносимого ожидания, как-то утром Кэрри вошла в старый дом Джонсона и обнаружила, что подруги выстроились в ряд и явно ее поджидают. На их лицах было написано такое восторженное предвкушение, что Кэрри не нужно было гадать о причине. Пришел ответ от Джоша!

Кэрри молча протянула руку, и Юфония вложила в нее письмо. Девушка вскрыла конверт дрожащими пальцами, наскоро пробежала глазами и развернула документы. И осела на стул, словно из нее вышел весь воздух.

– Он все подписал, – пораженно пробормотала она, не веря собственным глазам.

В первую минуту женщины не могли понять, смеяться им или плакать. Но Кэрри расплылась в широкой улыбке.

– Поздравьте меня! Я почти замужняя женщина.

Подруги и на этот раз не стали спорить. Но, поздравляя Кэрри, они даже не скрывали, что считают ее затею безумием, и не устояли от соблазна в тысячный раз повторить, что мистер Грин очень рассердится, когда обнаружит обман.

Но хмельная от счастья Кэрри проигнорировала их. Теперь оставалось только уговорить отца подписать бумаги. Сама Кэрри еще несовершеннолетняя и не может выйти замуж без разрешения родителя. Да... и еще требовалось найти священника, который проведет брачную церемонию по доверенности.

Кэрри осуществила все эти планы тем же способом, как и получила согласие Джошуа Грина. Она солгала.

Отправившись в контору «Уорбрук шиппинг», фирмы по судовым перевозкам, которой владела ее семья, Кэрри небрежно вызвалась отнести целую кучу бумаг на подпись отцу. Сунуть брачный договор в стопку деловых бумаг было совсем нетрудно, отец подписал их все, не читая. Деньги помогли отыскать сговорчивого священника.

Итак, одним летним утром, год спустя после окончания Гражданской войны, Кэрри Монтгомери стала законной женой мистера Джошуа Грина. Вместо жениха рядом с невестой стояла Юфония.

После окончания церемонии Кэрри по очереди обняла подруг и заверила, что будет скучать, хотя ожидает от семейной жизни одного лишь счастья. Женщины дружно рыдали, увлажнив своими слезами лиф платья Кэрри.

– А если он будет тебя бить?

– А если он пьет?

– А если он грабитель банков, или картежник, или сидел в тюрьме? А вдруг он убийца?!

– Вы не волновались за сотни других женщин, которых отсылали к совершенно незнакомым мужчинам. Почему же вдруг так встревожились за меня? – спросила Кэрри, раздраженная странными опасениями подруг. И это вместо того, чтобы радоваться за нее!

Но подруги дружно уткнулись в платочки и заплакали с новой силой.

А Кэрри предстоял самый трудный пункт ее плана. Как признаться родителям?

Странно, но мать среагировала вовсе не так, как ожидалось. В отличие от потрясенного отца она презрительно скривила губы и, пронзив мужа брезгливым взглядом, процедила:

– Я говорила, что все вы безобразно ее избаловали! Теперь расхлебывайте последствия!

Кэрри показалось, что на глазах отца выступили слезы. Он обожал свое последнее дитя, и ему в голову не приходило, что дочь может вырасти и тем более выйти замуж и уехать за сотни миль. Мать Кэрри предположила, что брак незаконен и можно его аннулировать. Но Кэрри спокойно и с безграничной убежденностью заявила, что в таком случае сбежит к человеку, которого уже считала своим мужем.

Всмотревшись в серьезное лицо дочери, мать кивнула. Об упрямстве и упертости Монтгомери слагались легенды, и если ее дочь решилась на брак с человеком, которого никогда не встречала, значит, так тому и быть.

– Какая жалость, что Ринга нет дома! – вздохнул отец, имея в виду своего первенца. Кэрри содрогнулась. Будь ее старший брат дома, пришлось бы подождать, пока он уедет, прежде чем ставить мягкосердечных родителей перед свершившимся фактом. Его никак нельзя было назвать мягкосердечным. Кроме того, затеи и выходки сестры не вызывали в нем ни сочувствия, ни снисходительности. Мало того, Кэрри вряд ли затеяла бы с родителями подобный разговор, будь дома любой из братьев.

– Не вижу, что тут можно поделать, – печально пробормотал отец, уже не скрывая слез. – Когда ты едешь?

– Как только соберусь, – решительно ответила Кэрри.

Мать иронически прищурилась:

– Что же ты собираешься взять с собой в эту глушь?

– Все, – отрезала Кэрри, удивляясь столь странному вопросу. – Все, что у меня есть.

У родителей вытянулись лица, но грусть тут же сменилась неудержимым весельем. Переглянувшись, они засмеялись, и Кэрри насторожилась. Почему ей вдруг захотелось что-то объяснять и оправдываться?

Не дожидаясь! Кэрри встала и гордо выпрямилась.

– Прошу простить, мне нужно идти к себе и начинать сборы. Впереди долгое путешествие. Я хочу поскорее встретиться с мужем.

Сухо поджав губы, она выплыла из комнаты.

Миссис Джошуа Грин обмахнулась веером из страусовых перьев, оправленных в слоновую кость, погладила болонку и взглянула в окно, стараясь унять громкое биение сердца. Через несколько минут дилижанс прибудет в Этернити. Правда, он опаздывал уже на четыре дня, и неизвестно, встретит ли ее муж.

Каждый раз, произнося про себя слово «муж», она улыбалась и представляла радость Джоша, когда тот поймет, что его молодая жена не предназначена тянуть плуг и вести дом. Что ему выпало счастье жениться на молодой... прямо скажем, довольно привлекательной леди.

При мысли об их первой совместной ночи Кэрри принялась обмахиваться еще энергичнее. Хотя братья воображали, будто сумели сохранить ум и сердце сестры в безупречной чистоте и полном незнании окружающего мира, Кэрри многое узнала об отношениях мужчин и женщин, тихонько сидя в углу и слушая рассказы братьев о холостяцкой жизни. Зато теперь ей было известно столько всего интересного, о чем и не подозревали ее подруги. Кроме того, она совершенно не боялась того, что происходит между мужчиной и женщиной по ночам. Если верить рассказам и комментариям братьев, то, что делали в постели мужчина и женщина, было самым волнующим, приятным и восхитительным занятием в мире.

Когда наконец дилижанс въехал в Этернити и остановился перед почтовой станцией, Кэрри сразу увидела Джоша.

– Он здесь? – спросила сидевшая напротив женщина.

Кэрри застенчиво улыбнулась и кивнула. Последние несколько сотен миль они путешествовали вместе, и Кэрри рассказала, что едет к мужу. Девушка поведала все подробности, умолчав только о том, что в письме к Джошу содержались, мягко говоря, кое-какие неточности. Зато расписала все романтические перспективы будущего любовного романа. Она представила дело так, что стала невестой по заказу и вышла замуж по доверенности, потому что у них был роман в письмах, и теперь им предстоит первое свидание.

Женщина, жившая с мужем и четырьмя детьми в Калифорнии, подалась вперед и ободряюще похлопала Кэрри по руке.

– Вот увидите, он будет очарован вами с первого взгляда. Думаю, ему очень повезло.

Кэрри опустила глаза и покраснела. Но когда лошади остановились, она вдруг испугалась. В памяти всплыли предупреждения подруг и родителей. Господи, что же она наделала?!

Из дилижанса вышли двое мужчин, но Кэрри только глубже вжалась в сиденье и, отдернув кожаную занавеску, всмотрелась в стоявшего на крыльце человека. Он не сводил глаз с экипажа. Кэрри отметила, что лицо его абсолютно бесстрастно. Невозможно понять, о чем он думает.

Но она узнала бы его повсюду. Это Джош. Человек, ставший ее мужем. Она снова, уже в который раз, принялась его изучать. Он был ниже ростом, чем братья, всего пять футов девять-десять дюймов, но так же крепок, как они. Широкие плечи, узкие бедра... какой же он красавец! Пронизывающие темные глаза, точеные черты... и совершенно безразличный вид. Он стоял, прислонившись к стене почтовой станции.

Кэрри отметила безупречный покрой и качество ткани его темного костюма. Когда-то он обошелся его владельцу в кругленькую сумму, но с годами несколько износился.

Вытирая внезапно вспотевшие руки о юбку дорожного костюма, Кэрри прислушалась. Похоже, кучер уже разгружает привязанный к крыше экипажа багаж.

Но она продолжала сидеть, прижимая к себе Чу-Чу и разглядывая Джоша. Ей хотелось убедиться, что интуиция ее не подвела. Что он именно таков, каким она его посчитала. Но что он за человек на самом деле?

Джош не сдвинулся с места, хотя из дилижанса больше никто не вышел. И даже не пошевелился. Ждал и наблюдал.

«Он знает, что я внутри, – подумала Кэрри. – Знает и ждет меня».

При этой мысли она расслабилась, улыбнулась, и женщина, сидевшая напротив, ответила улыбкой.

Надев на руку петлю от поводка Чу-Чу, Кэрри поднялась и шагнула к дверце.

Джош завидел в дверном проеме чью-то юбку и, мгновенно оттолкнувшись от стены, направился к дилижансу. Однако при виде Кэрри замер.

Их взгляды скрестились, и в душе Кэрри не осталось ни малейших сомнений. Слава богу, она не совершила непоправимой ошибки. Мистер Джошуа Грин принадлежит ей отныне и до скончания века.

Она улыбнулась дрожащими губами. Сердце билось где-то в горле. И так сильно, что мешало дышать и думать.

Джош, плотно сжав губы, широкими шагами подошел к ней. Никто не разглядел бы в его лице ни малейшего беспокойства, но он едва не сбил с ног кучера, спеша добраться до Кэрри. Подняв сильные руки, он сжал талию девушки, чтобы снять ее со ступеньки, но при первом прикосновении оба замерли. Между ними словно проскочила молния такой мощи, что Кэрри была уверена: сейчас беспомощно трепыхающееся сердце вырвется из груди.

Несколько секунд оба стояли неподвижно. Джош по-прежнему сжимал талию Кэрри, ноги которой едва касались ступеньки. Они никак не могли отвести глаза друг от друга. Постороннему они могли показаться окаменевшими, если бы не жилка, судорожно бьющаяся на шее Кэрри.

– Ну-ка, влюбленная парочка, дайте пройти, – потребовал кучер, пытаясь отодвинуть Джоша с дороги. Но тот был неподвижен, словно за эти несколько минут успел пустить корни на глубину в сотню футов.

Чары разрушила Кэрри, улыбнувшись мужу. Когда Джош ответил улыбкой, Кэрри показалось, что она сейчас растает. У него самая неотразимая в мире улыбка, четко очерченные губы и ровные белые зубы!

Медленно, игнорируя кучера, презрительно взиравшего на влюбленных, Джош подхватил Кэрри под мышки и поставил на землю. При этом пальцы случайно скользнули по ее груди, и Кэрри показалось, что она теряет сознание.

Но когда ее ноги все-таки коснулись земли, Джош отступил и почтительно коснулся полей шляпы.

– Мэм, – тихо приветствовал он.

Не будь Кэрри уже влюблена в него, наверняка влюбилась бы, услышав этот голос. Странно, но в своих мечтах она ни разу не представила, какой у него голос. Глубокий... мягкий... бархатный... совсем как у оперного певца.

Краем сознания она понимала, что нужно бы представиться, но слова почему-то застряли в горле. Да что тут скажешь?

«Здравствуйте, я ваша жена»? Или: «Вам действительно требовалась девушка с фермы?»

А может, выпалить первое, что пришло в голову? «Поцелуй меня»...

Отвергнув все эти фразы как совершенно неподходящие, Кэрри нехотя отошла от дилижанса и в сопровождении пыхтевшего Чу-Чу направилась в тень крыльца почтовой станции, где принялась яростно обмахиваться висевшим на запястье веером. Джош тем временем снова шагнул к дверце экипажа, откуда как раз выходила спутница Кэрри. Джош учтиво помог ей спуститься. Женщина весила фунтов на пятьдесят больше положенного и выглядела на несколько лет старше Джоша.

– Вы мисс Монтгомери? – донеслись до Кэрри его слова. – То есть я хотел сказать – миссис Грин.

Женщина весело улыбнулась:

– Не стоит беспокоиться, молодой человек, я не ваша жена.

Джош почтительно снял шляпу и поклонился. Кэрри тут же отметила, что у него прекрасные волосы.

– Если бы на мою долю выпала подобная честь, мадам, я посчитал бы себя счастливейшим из людей.

Женщина, почти годившаяся Джошу в матери, покраснела и хихикнула, совсем как молоденькая девушка.

Кэрри улыбнулась и покачала головой. Если у нее еще и оставались сомнения в собственной правоте, они молниеносно покинули ее при виде такой галантности. Теперь лишь от нее зависело, когда она скажет Джошу, что они связаны навеки. Но Кэрри хотела объясниться с глазу на глаз.

Как раз в эту минуту Джош заглянул в пустой дилижанс, после чего стал расспрашивать кучера. Тот, естественно, объяснил, что других пассажиров у него нет.

Кэрри уселась на пыльную скамью. Чу-Чу устроился у ее ног. Джош вынул из кармана письмо и стал перечитывать. Кэрри любовалась грациозными движениями выразительных рук, вспоминая его прикосновение.

Кучер созвал транзитных пассажиров, и те лениво потянулись к экипажу. Когда кучер уселся на козлы, Джош повернулся к Кэрри и вопросительно на нее уставился. Девушка поняла, что он ни на секунду не забывал о ней и ощущал ее присутствие не менее остро, чем она – его.

– Могу я помочь вам подняться в дилижанс? – осведомился он. Сердце Кэрри снова заколотилось. Ей с трудом удалось качнуть головой, но дар речи так и не вернулся.

Стоя спиной к Кэрри под палящим солнцем, Джош смотрел вслед удалявшемуся экипажу. Когда дилижанс исчез из виду, он медленно повернулся к ней. Теперь их разделяло всего несколько футов.

– Вы кого-то ждете? – осведомился он.

– Своего мужа, – пояснила Кэрри, улыбнувшись при виде его огорченного лица. – А вы? Кого ждете вы?

– Свою... – Осекшись, он неловко откашлялся. – Свою жену.

– Неужели? И как ее зовут?

Он так пристально смотрел на Кэрри, что, казалось, не понял вопроса.

– Кого?

– Вашу жену. Как зовут вашу жену?

Сунув руку во внутренний карман пиджака, он вытащил письмо и с очевидной неохотой оторвал глаза от Кэрри.

– У нее чудесное имя. Кэрри. Мисс Кэрри Монтгомери, – сообщил он, заглянув в письмо.

– Очевидно, вы не слишком много о ней знаете, – шутливо попеняла Кэрри.

– Ошибаетесь! Очень много, – возразил Джош, в голосе которого звенела такая тоска, что Кэрри едва не рассмеялась. – Она может за день вспахать десять акров поля, растить и резать свиней. Готовить, лечить мулов, кур и детей. Умеет стричь овец, ткать, шить одежду, мало того, при надобности даже дом построить.

– Господи милостивый! Какая работающая женщина. А она хорошенькая?

– Хотелось бы думать, что нет, – вздохнул Джош, так жадно оглядывая Кэрри, что по ее спине поползла тонкая струйка пота.

– Значит, вы никогда ее не видели?

– Еще нет, – признался Джош, шагнув к ней.

Но тут Чу-Чу приспичило погнаться за кроликом, мчавшимся по склону горы. Он так сильно дернул поводок, что Кэрри от неожиданности разжала пальцы. Пес метнулся за предполагаемой добычей. Кэрри мгновенно вскочила и попыталась поймать собаку, ставшую родным для нее существом. Единственным, кого она сумела привезти из далекого дома.

Но Джош оказался проворнее и рванулся вперед с такой энергией, словно от поимки Чу-Чу зависела сама его жизнь.

Хаос творился неопиcуемый. Хорошо еще, что кринолин не путался в ногах! Джош в своем черном костюме тоже выглядел достаточно смехотворно. Правда, именно он поймал болонку, прежде чем та успела нырнуть в кроличью нору. В благодарность Чу-Чу укусил его за руку.

– Скверная собака! – пожурела Кэрри, подхватывая Чу-Чу на руки и поворачиваясь к Джошу. – Огромное спасибо за то, что спасли его. Он мог бы пострадать.

Вытянув кровоточащую руку, Джош улыбнулся:

– Здесь полно гремучих змей. Так что покрепче держите за поводок.

Кэрри кивнула, поставила песика за землю, накинула петлю поводка на запястье и вынула платок.

– Давайте посмотрим вашу руку.

Джош долго отнекивался, прежде чем показать ей руку, которую она сжала обеими ладонями.

Кэрри оказалась не готова к очередной молнии, пронзившей ее, когда их руки соприкоснулись. Они стояли в тени старого тополя, вдыхая душистый горный воздух. Вокруг царили тишина и безлюдье. Впрочем, мир с таким же успехом мог бы и вообще не существовать.

Безуспешно стараясь не вздрогнуть, Кэрри промокнула кровь.

– Я... Похоже, рана не слишком глубока.

Джош, любовавшийся волосами Кэрри, рассеянно ответил:

– У него очень мелкие зубки.

Кэрри подняла глаза и улыбнулась. На мгновение ей показалось, что Джош сейчас ее поцелует. Всеми фибрами своего существа она пыталась внушить ему эту мысль. Пусть схватит ее в объятия и станет целовать, пока голова не пойдет кругом!

Но вместо этого Джош поспешно отступил.

– Пора идти. Я должен узнать, что случилось с моей... моей...

– Женой, – подсказала Кэрри.

Джош согласно кивнул, но, кажется, так и не смог заставить себя произнести это слово.

– Мне нужно идти, – снова сказал он и, повернувшись, направился к почтовой станции.

– Я Кэрри Монтгомери, – произнесла она.

Джош замер как вкопанный, но не оглянулся.

– Я Кэрри Монтгомери, – повторила она немного громче.

На этот раз Джош повернулся. Кэрри улыбнулась в предвкушении его счастливого удивления.

Но его лицо превратилось в непроницаемую маску.

– Что вы хотите этим сказать? – тихо спросил он.

– Это я – Кэрри Монтгомери. Я та женщина, которую вы ждали. Я... – Кэрри невольно опустила глаза. – Я ваша жена, – прошептала она и не столько услышала, сколько почувствовала, как Джош идет к ней. Когда он уже был так близко, что Кэрри почти ощущала его дыхание на лице, она робко подняла глаза. Он не улыбался. Мало того, будь на его месте один из ее братьев, Кэрри посчитала бы, что он в ярости.

– Вы в жизни не видели плуга, – объявил он.

– Верно, – согласилась Кэрри.

Джош дрожащими руками снова вытащил письмо.

– Она писала мне обо всем, что умеет делать. Утверждала, что едва ли не с детства хозяйничала на ферме.

– Возможно, я несколько приукрасила истину, – скромно призналась Кэрри.

Джош угрожающе шагнул к ней.

– Вы солгали. Вы, черт возьми, нагло мне солгали!

– Думаю, подобные слова неприлично произносить в обществе дам. Я предпочла бы, чтобы вы...

Он снова шагнул к ней, так что Кэрри пришлось попятиться.

– Я писал, что мне нужна женщина, которая разбиралась бы в фермерском деле, а не какая-то... светская дама с пушистой крысой, которую она именует собакой.

Чу-Чу звонко залаял на Джоша, словно понял, что речь идет о нем.

– Но послушайте... – начала Кэрри.

Однако Джош не позволил ей продолжать.

– Вы считаете подобные шуточки остроумными?

Прижав ладонь ко лбу, словно мучимый болью, Джош отступил.

– И что прикажете сейчас делать? Я заподозрил неладное, когда речь зашла о женитьбе по доверенности, но посчитал, что дело в другом. Был уверен, что женщина страшна как смертный грех. – Взгляд, брошенный на Кэрри, был исполнен глубочайшего презрения. – Но вы! Такого я никак не ожидал!

Угомонив Чу-Чу, Кэрри украдкой оглядела себя, боясь, что какой-то злой колдун превратил ее в лягушку. До этой минуты ни один человек не сетовал на ее внешность.

– А что вас во мне не устраивает?!

– Спросите лучше, что меня в вас устраивает! Вы когда-нибудь доили коров? Умеете отрубить голову курице, ощипать и зажарить тушку? И вообще знаете, как подойти к плите? Кто сшил вам платье? Французская модистка?

Модистка Кэрри действительно была француженкой, но какое это имеет значение?!

– Не понимаю, какая вам разница? Если вы позволите, я все объясню. Только не перебивайте меня.

При этих словах Джош подошел к дереву, прислонился к стволу и сложил руки на груди.

– Слушаю.

Кэрри несколько раз глубоко вздохнула, чтобы успокоиться. И выложила всю правду. О том, как она с подругами организовала нечто вроде брачного агентства. Может, она предстанет перед Джошем в ином свете, когда тот поймет, на что способна его жена!

Он не произнес ни слова. И она так и не поняла, о чем он думает. Но все же рассказала, как, увидев его фото, с первой секунды поняла, что влюбилась.

– Я почувствовала, что вы и ваши дети нуждаетесь во мне. Увидела по глазам.

Он и бровью не повел.

Кэрри в мельчайших подробностях изложила, как мучилась, не зная, что делать, как тщательно все обдумала. (Не хотела, чтобы он посчитал ее легкомысленной безмозглой дурочкой, поступки которой диктуются мимолетными прихотями.) И только потом рассказала, сколько сложностей пришлось преодолеть, чтобы выйти за него замуж. А когда добавила, что, приехав к нему, она покинула семью, дом и друзей, на глазах выступили слезы.

– Это все? – процедил Джош.

– Полагаю, да, – вздохнула Кэрри. – Но вы должны понять, что я сделала это не со зла. И действительно чувствовала, что вы во мне нуждаетесь. Чувствовала, что...

– Вы чувствовали, – перебил он. – Вы решили. Вы, и только вы одна, определяете судьбы окружающих вас людей, не принимая во внимание их нужды и потребности. Вы протащили родных и семью сквозь ад, и все из-за романтических бредней о человеке, которого в жизни не видели.

Джош обжег ее презрительным взглядом, и Кэрри поежилась.

– Нужда-а-а-ался! – передразнил он, брезгливо морщась.

Одним шагом сократив расстояние между ними, он навис над ней, так что Кэрри пришлось откинуться назад.

– Должен сказать, что вы – избалованная, испорченная, глупая богатая девчонка, а мне нужна жена, которая может вести хозяйство на ферме. Если бы я действительно нуждался в пустоголовой, ничтожной финтифлюшке вроде вас, мог бы поискать такую в любом месте земного шара. Да с полдюжины подобных вам обитают прямо здесь, в Этернити! Мне нужна не страстная любовница в постели, а женщина, которая умеет и любит работать!

Выкрикнув все это ей в лицо, он повернулся и направился к почтовой станции.

Кэрри, недоуменно хлопая ресницами, продолжала стоять. В первый раз с ней разговаривали в подобном тоне. В первый и последний!

Спустив пониже лиф, словно чтобы подчеркнуть свою решимость, она поспешила за ним. Догнать его оказалось не слишком легко: уж очень быстро он шел. Но все же она оказалась проворнее и встала перед ним лицом к лицу.

– Не знаю, с чего вы взяли, будто все обо мне знаете, но это не так. Я...

– Внешний вид. Я судил о вас по внешнему виду, – перебил он. – Но разве вы не судили обо мне точно таким же образом? Взглянули на мою фотографию и решили изменить всю мою жизнь. Но при этом не учли, что я свою жизнь менять не желаю.

– Но это вовсе не так. Я решила...

– И что же именно? – сверкнул глазами Джош. – Что именно решили, как не изменить мою жизнь? И жизнь моих детей. – Он горько рассмеялся. – Я пообещал им привезти домой маму, которая приготовит для них ужин. И поклялся, что они больше никогда в жизни не станут есть мою стряпню.

Джош грубо схватил ее за руки и уставился на них, словно на злейшего врага, хотя ладошки Кэрри, которые она на ночь мазала кремом, были мягкими и чистыми, а ногти аккуратно подпиленными.

– Уверен, что вы не знаете, с какой стороны подходить к плите!

Злобно отшвырнув ее руки, он снова шагнул к станции. Но Кэрри опять загородила ему дорогу.

– Ведь я вам понравилась! Я точно знаю! И не сразу сказала вам, кто я, потому что хотела знать, понравлюсь вам или нет!

Гнев во взгляде Джоша сменился изумлением.

– Значит, вы вообразили, будто я мгновенно потеряю голову от вашей красоты и не пожелаю заметить, что вы годитесь только на украшение гостиной какого-нибудь богача, которому по вечерам будете играть на спинете?! Неужели подумали, будто я, ослепленный вашей внешностью и неукротимым желанием немедленно затащить вас в постель, останусь глух к плачу своих голодных детей?

– Нет, – мягко возразила Кэрри, хотя ей было неприятно сознавать, что стрела прошла совсем близко от цели. – Я бы никогда не... Я думала...

– Вы вообще не думали! – яростно вскинулся Джош. – Вам не пришло в голову, что я могу найти жену здесь? Или посчитали, будто ни одна женщина не захочет такого мужа? Что я слишком уродлив, чтобы привлечь взгляд молодой девушки?

– Нет, разумеется, нет... Вы...

Но он снова не дал ей договорить.

– Ну конечно, так оно и было. Многие женщины так думают. Но они ошибаются. Я вполне способен завоевать женщину, но у меня нет ни времени, ни желания ухаживать за ней, а все дамы, даже самые уродливые, мечтают, чтобы за ними ухаживали. Я послал письмо в ваше сумасбродное агентство, намереваясь найти себе помощницу. Не романтическую глупышку! Мне нужно прокормить себя и детей!

Сжав кулаки, Джош окинул ее пренебрежительным взглядом.

– А теперь, мисс Монтгомери, – добавил он, притронувшись к полям шляпы, – желаю вам доброго дня, и прощайте. Надеюсь, впредь вы сначала подумаете, а потом уже будете действовать.

С этими словами он отошел, оставив ее и Чу-Чу.

Кэрри растерянно огляделась, не зная, как ей быть. Такого она не ожидала. Интересно, когда теперь ждать дилижанса, едущего в обратном направлении? Очень неприятно возвращаться в Уорбрук, но что поделаешь? Наверное, придется.

И тут ее взгляд уперся в спину Джоша, возвращавшегося в здание станции.

– Мистер Грин, – тихонько позвала она и, когда он не откликнулся, повысила голос: – Вы, кажется, не помните? Моя фамилия Грин. Миссис Джошуа Грин.

Последнее слово она почти выкрикнула.

Джош остановился и оглянулся.

Кэрри ответила вызывающим взглядом.

Скрипнув зубами, Джош повернулся и направился к ней. Он буквально пылал гневом. От него исходила такая угроза, что Кэрри попятилась.

– Только попробуйте коснуться меня, и я...

– Полчаса назад вы практически умоляли меня прикоснуться к вам. И вряд ли стали бы возражать, начини я вас раздевать.

– Гнусная ложь, – запротестовала Кэрри, однако предательски покраснела.

– И это говорит женщина, нагромоздившая гору лжи?! – возмутился Джош и, бесцеремонно схватив ее за руку, потащил к зданию почтовой станции.

– Немедленно отпустите! Я требую...

Джош, так же резко остановившись, подался вперед, так что их носы почти соприкасались.

– Как вы уже изволили напомнить, меня так артистически одурачили, что теперь я оказался женатым человеком. Женатым на вас! Поэтому вы пробудете у меня дома ровно неделю, до следующего дилижанса. К сожалению, только тогда мне удастся отослать вас к отцу. Там вам самое место! Избави меня Бог от подобной жены!

– Вы не можете...

– Могу и сделаю! – перебил он, вновь принимаясь тащить ее за собой. Но у двери станции остановился. – Где ваши вещи?

Кэрри перестала вырываться и оглянулась. Пока они спорили, прибыл фургон с ее багажом. Кучера на козлах не было, наверное, вошел в здание станции.

– Там, – буркнула она, кивком показав на фургон. – И вообще это вас не касается. Я сама о себе позабочусь. Я могу...

Она осеклась при виде лица Джоша. Тот выглядел так, словно столкнулся с болотным чудовищем. Потрясение было так велико, что бедняга окаменел, очевидно, не веря собственным глазам. Кэрри на всякий случай проследила за направлением его взгляда, но не узрела ничего необычного. Фургон как фургон...

А вот Джош увидел гору сундуков, связанных толстым канатом и уложенных в фургон, запряженный четверкой лошадей. Сомнительно, чтобы имущество жителей всего Этернити могло заполнить все эти сундуки!

– Помогите мне небо, – в ужасе прошептал он, повернувшись к ней. – Что вы со мной сделали?!

Глава 4

К тому времени, когда Кэрри устроилась на козлах старой повозки Джоша, она уже горько жалела о том, что когда-то увидела злополучный снимок. Он был так зол, что не желал ни смотреть на жену, ни говорить с ней. Только орал на лошадей и подгонял кнутом, словно это несчастные животные были во всем виноваты.

Они направлялись на запад, к заходящему солнцу. Фургон с багажом катился следом.

– Понимаете, я не хотела... – начала Кэрри но Джош яростно прошипел:

– Ни слова! Ни слова, говорю я вам! Мне нужно подумать, как выйти из этого положения.

– Вы могли бы дать мне шанс показать себя, – выдохнула она.

Джош бросил на нее взгляд, исполненный такого презрения, что Кэрри поджала губы, не желая иметь с ним никакого дела.

После долгого путешествия по пыльной, изрытой выбоинами дороге они свернули на заросшую травой тропу и медленно направились к небольшой рощице. Через несколько минут деревья внезапно расступились, и Кэрри увидела дом.

В жизни своей она не видела такого заброшенного, убогого строения, как эта потрепанная ветрами и бурями хижина. В Уорбруке Кэрри приходилось сталкиваться с бедностью. Некоторые их родственники из семейства Таггеров считались бедняками. Но у их домов не было столь жалкого, печального, покинутого вида, как у этого.

Во дворе ничего не росло. Даже травы. В окнах не было стекол: только промасленная бумага. Одно из окон тускло светилось. А из полуразрушенной трубы даже дым не шел. Собственно говоря, само жилище представляло собой нечто вроде деревянного ящика с единственной дверью и окнами на каждой стороне. Еще один квадратный, невыносимо унылый ящик был прилажен к заднему фасаду дома. Может, это и есть спальня?

Повернувшись, она взглянула на Джоша, но ничего не сказала: слишком велико было потрясение. Невозможно представить, чтобы этот человек жил в такой лачуге!

Но Джош, стиснув челюсти и глядя перед собой, не обращал на нее внимания, хотя она понимала, что он чувствует ее взгляд.

– Теперь вы видите, почему мне нужна жена, привыкшая к тяжелой работе? – неожиданно выпалил он. – Разве вы, мисс Богатенькая Принцесса, способны жить здесь?!

Кэрри немного удивилась. Если он понимает, насколько омерзительно его жилище, почему не попытается что-то изменить? Взять хоть Таггертов. Они жили в благородной нищете и были довольно неряшливы, но, похоже, иначе существовать не могли. В ее доме им было не по себе, и они старались поскорее уйти.

Что-то рассерженно пробормотав, словно именно Кэрри была виновата в том, что у него такие запущенные дом и усадьба, он остановил повозку перед домом и спрыгнул на землю. Вблизи дом выглядел еще хуже, чем на расстоянии. Часть черепицы вообще отсутствовала. Наверное, во время дождей крыша протекает. Дверь висела на одной петле, пьяно покачиваясь. Крыльца не было, а перед дверью красовалась огромная лужа.

Джош, похоже, постоянно находившийся в состоянии раздражения, поспешно снял ее с повозки. На этот раз его ладони не задержались на ее талии. Мало того, он, не глядя на нее, направился к багажному фургону.

Еще раз осмотрев дом, Кэрри попросила кучера подать ей два маленьких ковровых саквояжа, лежавших впереди. В одном были сложены ее ночные сорочки, пеньюары и щетки для волос, в другом – подарки для детей.

– Дети в доме? – коротко спросила она Джоша.

– Да. Ждут в холоде и темноте. И к тому же я уверен, что они не ужинали, – с горечью бросил Джош. Можно подумать, что именно она всему причиной!

Ничего не ответив, Кэрри повернулась и направилась к лачуге. Не так-то легко было одновременно удерживать саквояжи и Чу-Чу, но Джош даже не пытался ей помочь. Был слишком занят: показывал кучеру, куда положить сундуки Кэрри. При этом он так громко высказывал свое мнение о количестве багажа, что его, наверное, было слышно во всей округе.

Из-за сломанной петли дверь было почти невозможно открыть, и Кэрри едва не ударила лицом о косяк. Но все же ей удалось протиснуться в образовавшуюся щель.

Если снаружи дом выглядел убогим, внутри все оказалось куда хуже. Мрачное, угрюмое, бесцветное место, обитатели которого просто не могли быть

счастливы. Закопченные стены из наспех сбитых планок. Посреди комнаты стоит грязный круглый стол с четырьмя разнокалиберными стульями, один из которых кренился набок из-за сломанной ножки.

В углу находился шкаф, долженствующий представлять кухню. Наверху громоздились выщербленные тарелки, которые не мылись так долго, что, кроме пыли, были еще украшены остатками еды.

Кэрри прижалась спиной к двери, обводя комнату растерянным взглядом. Оказалось, что дети стоят в тени еще одного дверного проема, по предположениям Кэрри, ведущего в спальню. Стоят тихо, не шевелясь, наблюдая. Ожидая, что будет дальше.

Кэрри невольно восхитилась их красотой. Какие изумительные дети! Еще лучше, чем на снимке! Судя по всему, мальчик когда-нибудь превзойдет красотой отца. А девочка... от девочки и сейчас невозможно глаз отвести. Со временем мужчины будут терять разум из-за этой красоты!

Но несмотря на поразительную красоту, дети выглядели такими же заброшенными, как сам дом. Спутанные волосы, которые, похоже, не расчесывались месяцами. И хотя лица довольно чистые, одежда засалена и порвана, а ткань выцвела от частых стирок.

И Кэрри вновь ощутила уверенность в собственной правоте. Эта семья нуждалась в ней.

– Привет! – жизнерадостно воскликнула она. – Я ваша новая мама.

Дети переглянулись и восторженно уставились на Кэрри широко распахнутыми глазами.

Кэрри подошла к столу, поставила саквояжи, отметив при этом, что столешница покрыта слоем жира. Здесь явно не хватает мыльной воды и тряпки. Чу-Чу, нюхая воздух, стал рваться с поводка. Кэрри отпустила его, и он немедленно подбежал к детям. Те изумленно рассматривали невиданное животное. Никто даже не попытался погладить болонку.

Открыв первый саквояж, Кэрри вынула куклу с фарфоровой головкой, изысканное создание, изготовленное во Франции и одетое в сшитое вручную шелковое платье.

– Это тебе, – сказала Кэрри девочке.

Малышка недоуменно раскрыла ротик, но все же придвинулась поближе с таким видом, словно боялась коснуться чудесной куклы.

– А вот это тебе, – продолжала Кэрри, протягивая мальчику кораблик.

По его глазам было видно, что ему не терпится взять подарок. Он даже шагнул вперед, но тут же отступил и отрицательно покачал головой.

– Я привезла это специально для тебя, – уговаривала Кэрри. – Мои братья плавают на больших кораблях от Мэна и по всему миру. Это суденышко очень похоже на один из их кораблей. Я бы очень хотела, чтобы оно было твоим.

Судя по виду, мальчика обурежала некая внутренняя борьба. Ему ужасно хотелось взять игрушку, но что-то заставляло упорно отказываться.

Наконец он поджал губы, став удивительно похожим на отца, и неприязненно спросил:

– Где мой папа?

– Насколько я знаю, помогает кучеру разгружать багаж.

Мальчик решительно кивнул и направился к двери. Очевидно, он научился открывать ее, несмотря на сломанную петлю, и поэтому ловко проделал все необходимые процедуры, ухитрившись при этом не ушибиться.

– Так-так, – пробормотала Кэрри, садясь на один из уцелевших стульев. – По-моему, он сердит на меня. Не знаешь почему?

– Папа сказал, что вы скорее всего окажетесь безобразной, но мы не должны ничего вам говорить. Еще он говорил, что на свете много уродливых людей и

вещей и тут уж ничего не поделать, – пояснила девочка и, склонив голову набок, критически оглядела Кэрри. – Но вы совсем не уродливы.

Кэрри улыбнулась. Совсем крошка и так красноречива!

– Не находишь, что немного несправедливо сердиться из-за того, что я вовсе не уродлива?

– Моя мама – настоящая красавица.

– Понимаю, – кивнула Кэрри. И она действительно понимала. Если бы ее прелестная мать умерла и отец женился бы на другой прелестной женщине, вряд ли Кэрри это понравилось бы. В этом случае она предпочла бы уродливую мачеху. Очень-очень уродливую. – Надеюсь, хоть ты не расстроена, оттого что я не так безобразна, как пообещал папа? Но, если хочешь, могу стать уродиной.

С этими словами Кэрри принялась строить всевозможные гримасы, растягивая пальцами глаза и задирая пальцем кончик носа. Малышка хихикнула.

– Как по-твоему, я больше понравлюсь Темми, если он увидит меня такой?

Девочка, снова хихикнув, усердно закивала.

– А теперь, может, подойдешь и позволишь расчесать тебе волосы? А заодно скажешь, как собираешься назвать куклу.

Девочка поколебалась, словно пытаясь решить, понравилось бы это отцу или нет. Но тут Кэрри вынула из саквояжа щетку с серебряной ручкой. Ахнув от восторга, девочка подошла, покорно встала между коленей Кэрри и позволила расчесать себе волосы.

– А тебя зовут Даллас? – допытывалась Кэрри, гладя мягкие, тонкие волосики девочки. – Не находишь, что это очень необычное имя?

– Мама сказала, что меня сделали именно там.

– Как, на фабрике? – не задумываясь выпалила Кэрри, но тут же опомнилась и громко откашлялась. Хорошо, что девочка не видит ее непозволительно багровой физиономии! – О, теперь все ясно. Как тебя можно звать? Далли?

Девочка на секунду задумалась.

– Если хочешь, зови меня Далли.

– Мне очень приятно назвать тебя именно так. Ведь больше никто не зовет тебя Далли, верно?

Девочка кивнула и показала на песика:

– А его как зовут?

– Чу-Чу. Потому что в тот день, когда брат привез его мне, он все время чихал! И представляешь, с тех пор ни разу не чихнул.

Девочка даже не улыбнулась. Только вздохнула и покачала головой, совсем как взрослая. У Кэрри сжалось сердце. Неестественно, когда такой маленький ребенок не умеет смеяться!

– Ну вот, – сказала она громко, – теперь волосы у тебя в порядке. И какие же они красивые! Хочешь сама посмотреть? – Она протянула ребенку зеркало в серебряной оправе. – Ты очень хорошенькая.

– Но не красавица, – расстроено возразила Далли, отдавая зеркало обратно. – Не то что моя мама.

Какие странные речи в устах маленькой девочки!

Кэрри снова оглядела холодную убогую комнатенку.

– Может, пора позаботиться об ужине? В доме есть еда?

– Папа сказал, что ты умеешь готовить. Любое блюдо на свете. И никогда не позволишь нам голодать.

– Это я и собираюсь сделать, – улыбнулась Кэрри и, подойдя к буфету, открыла дверцы. Сердце снова упало при виде жалкого запаса продуктов: полкаравая черствого хлеба, три банки консервированного горошка... и все.

Как же она зла на Джоша! Даже лучший в мире повар не сможет приготовить из этого достойный обед!

Она тщательно обыскала буфет и была вознаграждена чудесной находкой: кувшинчиком с домашним клубничным джемом.

– Сегодня нас ждет пир! Хлеб с джемом, что может быть лучше! У меня в саквояже большой пакет с китайским чаем, так что мы сумеем устроить настоящую чайную вечеринку!

– Но это нельзя есть! – покачала головой Даллас. – Папа говорит, что нужно оставить джем для особого случая. Его сварила тетя Элис. Это подарок.

– Для нас каждый день особый, – пояснила Кэрри. – Нет такого дня, когда не найдется повода для праздника, тем более сегодня. Мой приезд и твоя новая кукла. И корабль Темми.

– Ему не понравится, если будешь звать его Темми. Он просто Тем.

– О, мне все ясно. Он слишком взрослый для Темми, правда?

Даллас торжественно кивнула.

– Я попытаюсь это запомнить, – заверила Кэрри. – А теперь давай накрывать на стол.

Очевидно, ребенок понятия не имел, что такое «накрывать на стол», поэтому Кэрри поставила саквояжи на пол и вынула огромную чудесную пеструю шаль. Красные и розовые узоры, казалось, переливались в унылой комнатухе, освещенной единственной поставленной на каминную полку свечой.

Даллас зачарованно наблюдала, как Кэрри расстилат на столе газеты, взятые из невысокой стопки у камина, и кладет поверх шаль. Далее предстояло найти чистую посуду. Но таковой просто не оказалось. Правда, в раковине громоздились тарелки, но Кэрри скользнула по ним взглядом и отвернулась. У нее дома грязная посуда отправлялась на кухню, откуда возвращалась уже чистой, но она не совсем хорошо представляла, как это получается.

Поскольку чистой посуды не нашлось, Кэрри вытащила из саквояжа четыре полотняных платочки.

– У нас будет пикник, – объявила она, бросая их на шаль и вынимая четыре небольшие серебряные чашечки. Она никогда не путешествовала без них, поскольку мать запрещала пользоваться общими чашками в гостиницах и на постоянных дворах.

Даллас, разинув рот, следила за всеми ее приготовлениями. После появления чашечек она подошла ближе и заглянула в саквояж, словно перед ней был рог изобилия, содержащий все, что только можно было представить и пожелать.

За чашками на свет появилось хрустальное блюдо для шпилек. Кэрри вытерла его еще одним платком и наполнила джемом. Даллас вообще в жизни такого не видывала, и сама идея, что еду можно класть в столь невиданную посуду, была совершенно для нее нова.

Кэрри порезала хлеб, разложила на платочке, помещенном в центр стола, и отступила, чтобы полюбоваться результатами.

– Очень мило, не считаешь?

Даллас снова кивнула. Отблески света играли на серебряных чашечках и хрустале, ложились на красочные узоры шали. Какое чудо! И эта женщина, называвшая себя ее новой мамой, и кукла, которую Даллас прижимала к груди, и удивительная собачка, и накрытый стол! Столько всего сразу!

Девочка робко улыбнулась.

И тут в дом вернулись Джош с сыном. Судя по суровому лицу Джоша, необходимость разгрузить больше двадцати сундуков с женской одеждой не улучшила его настроения.

– Все сложено в сарае, – сухо сообщил он, цедя слова. – Конечно, там теперь некуда положить корм для лошадей и инструменты, так что, если сегодня пойдет дождь, мы окончательно пропали, зато сундуки внутри, в полной безопасности, в тепле и под крышей.

Увлечшись своей тирадой, он только сейчас обратил внимание на стол, хотя его сын уже несколько минут с раскрытым ртом взирал на столь необычную картину.

– Ужин! – гордо объявила Кэрри, ожидая признания своих достоинств. Пусть Джош скажет, что был не прав насчет нее. Ведь он обещал детям, что новая мать накормит их ужином, и она сделала все, чтобы этот ужин приготовить. – Ребятишки голодны.

Джош, по-прежнему хмурясь, поднял со стола хрустальное блюдо с джемом и оглядел ломтики хлеба, аккуратно нарезанные и выложенные на платочек с вышитой монограммой.

– Хлеб с джемом, – презрительно усмехнулся он, – не слишком полезный ужин для детей, не находите?

Кэрри ответила гневным взглядом. Да он просто не способен признать свою неправоту!

– Я взяла то, что стояло в буфете. Никто, даже тот идеал трудящейся жены, о котором вы мечтали, не смог бы состряпать ужин из консервированного горошка!

– Но хотя бы согреть банки вы могли? – не сдавался Джош. – И почему огонь совсем погас? Не смогли разжечь? Но здесь холодно!

Дети переводили растерянные взгляды с Кэрри на отца. Сколько времени он им вдалбливал, что следует быть милыми и вежливыми с этой женщиной, которая приезжает, чтобы позаботиться о них, а сам теперь вовсе не мил и не вежлив!

Кэрри молча смотрела на Джоша, отказываясь отвечать на обвинения. Наконец он пораженно покачал головой.

– Я все понял! Вы и жестянку открыть не умеете, верно? И полагаю, в жизни не подкинули в камин ни единого поленца!

Даллас жалобно поморщилась, готовая разразиться слезами:

– Папа, но хлеб с джемом – это очень вкусно. Хочешь, я покажу тебе мою куклу? Можешь сам ее назвать, но если тебе нравится имя Элспет, значит, и мне тоже.

Лицо Джоша мгновенно изменилось. До сих пор Кэрри видела только два его выражения. Первое – в тот момент, когда он не знал, кто она такая, и пожелал ее. И второе, после того как узнал страшную правду, – это была ярость, с которой он не мог совладать. Но сейчас Кэрри видела одну лишь любовь – любовь, освещавшую смуглое красивое лицо, которое она так хорошо успела узнать. Слушая, как Даллас щебечет, расхваливая куклу, она втайне удивилась. Ей казалось, что ребенок даже не взглянул на новую игрушку. Но Даллас показала отцу элегантное белье куклы и ноги, сделанные из набитой ватой лайки.

– Думаю, Элспет – самое подходящее для нее имя, – заверил Джош, глядя Даллас по головке. Заметив, что волосы расчесаны и лежат красивыми волнами, он с невольной благодарностью взглянул на Кэрри.

– Я привезла подарок и Тему, – заметила та, взяв с полки корабль.

Тем с тоской уставился на замечательную игрушку, но выжидал, не зная, как отнесется к этому отец. Тот со своей стороны явно не желал, чтобы его дети что-то у нее брали. Но похоже, счастье детей было для него важнее любых распрей. Поэтому он с улыбкой кивнул сыну.

Тем нерешительно выступил вперед, взял корабль и вернулся к отцу, спрятав игрушку за спину, словно не смел ее рассматривать. Но Кэрри заметила, что он осторожно поглаживает кораблик.

– Папа, – пожаловалась Даллас, – я хочу есть.

Джош со вздохом взглянул на стол и кивком велел детям занять места.

– Если у вас есть чайник, я могла бы заварить чай, – тихо предложила Кэрри, готовая заключить перемирие. Человек, с такой любовью смотревший на детей, был именно тем, кого она избрала. Которого обманом завлекла в сети брака.

Но когда Джош поднял голову, она в ужасе отшатнулась. Ей еще не приходилось сталкиваться с ненавистью. До этой минуты.

– Так вы можете заварить чай? – прошипел он. – Впрочем, полагаю, именно такие занятия и подобают истинной леди.

Резко встав, он подбросил дров в камин, поставил железный котелок на огонь и долго перебирал грязные тарелки, пока не нашел выщербленный заварной чайник, который и поставил на стол.

Они в молчании дожидались, пока закипит вода, и от нечего делать разглядывали вышитые платочки.

«Как странно, – думала Кэрри. – Как абсурдно быть живым, здоровым и таким грустным. Даже бедность и необходимость жить в такой лачуге еще не причина для скорби».

– У меня есть семеро старших братьев, – весело начала она. – Каждый красив, как сказочный принц. К тому же они плавают на своих кораблях по всему свету. Несколько месяцев назад, незадолго до того как мы с вашим отцом поженились...

Джош метнул на нее растерянный взгляд, который Кэрри решительно проигнорировала.

– ...мой брат Джейми привез мне Чу-Чу. Хотите послушать истории о тех местах, в которых он бывал? Он даже посетил Китай.

– Да, о, пожалуйста, да, – умоляюще попросила Даллас, очевидно, жаждавшая освобождения из плена бесконечной тоски.

Кэрри взглянула на Тема, пытавшегося сделать вид, что ему совершенно все равно. Но его глаза горели. Мальчик с деланой неохотой кивнул.

Кэрри перевела взгляд на Джоша, ожидая его ответа, вынуждая стать частью общего семейного круга.

– Ну... раз дети хотят, – сдался он.

Кэрри с энтузиазмом принялась рассказывать о Китае и особенно о дворце, в котором довелось гостить брату. Подражая ему, она подробно описывала шелка, обстановку и украшения. Правда, немного при этом преувеличивала, но... ведь может быть и так, что Джейми многое утаил от нее.

подавшись вперед, она голосом, предназначенным для историй о призраках, поведала об ужасном обычае бинтовать ноги китайянок.

К этому времени вода в котелке вскипела. Кэрри насыпала в чайник своего восхитительного чая, налила кипятка и стала намазывать джем на толстые ломти хлеба и раздавать детям и Джошу, поглощенному ее рассказом не меньше детей. Он даже забыл указать ей, что способен сам себя обслужить.

Кэрри не умолкала в продолжение всего ужина и даже вспомнила китайскую сказку об истинной любви, которая кончилась очень печально: женщина стала привидением.

Когда хлеб и джем закончились, Кэрри подошла к саквояжу, извлекла коробку с шоколадом и положила по две конфетки перед каждым.

Только когда конфеты и чай исчезли, она вдруг замолчала, и на секунду в комнате воцарилась тишина.

– Вот это да! – прошептала Даллас, широко распахнув глаза.

– И неужели все это правда? – спросил Тем с видом взрослого скептика.

– До последнего слова. Мои братья объездили весь мир и рассказывали самые невероятные истории. Слышали бы вы об Индии! А ведь еще есть и пустынные

страны, и Египет... а двое моих братьев сражались с пиратами.

– Пиратами! – ахнул Тем, но тут же постарался взять себя в руки.

– А один служил в армии Соединенных Штатов и дрался с индейцами, но говорит, что индейцы ему нравятся куда больше, чем большинство его солдат. Я привезла подарки, которые дарили мне братья. Вещи, которые они купили, украли или выменяли в своих путешествиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Имеются в виду кукурузные рыльца, длинные шелковистые волоски в початке. –
Здесь и далее примеч. пер.

2

Вечность (англ.).

Купить: https://tellnovel.com/ru/devero_dzhud/vechnost

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)